

ЖИЗНЬ И ЭКРАН...

ТРИ ИНТЕРВЬЮ НА ОДНУ ТЕМУ

ВОПРОС. Режиссер Могоу утверждает, что мир кино и театра — по крайней мере для тех, кто отдает им всего себя, — это трагический мир, в котором всегда витают смерть, безумие, самоубийство.

ОТВЕТ. Для тех, кто думает только о работе, возможно, так оно и есть. Я имею в виду тех, кто в работу, достижение успеха, в карьеру вкладывает всего себя до последнего дыхания, до последней клеточки и не понимает, что кино — это профессия, дело, а личная жизнь — совсем другое. Уверю вас, когда кто-нибудь мне говорит: «Теперь, став знаменитостью, добившись успеха...» — я всегда задаю вопрос: а что это такое? Успех — это слово какое-то нереальное, абстрактное. Успеха как такового не существует, я никогда на него не полагаюсь. Я прекрасно понимаю, что завтра все может кончиться. Завтра, ну послезавтра. И тогда что тебе останется? То, что ты сумела создать вне кино, — ты сама, твое душевное равновесие, твоя семья, дети...

О кино я мечтала с детских лет. Мы были так бедны! Моя мать выступала в захудалых театрах. Жили мы в ужасном пансионе на окраине города. Уходя на работу, мать оставляла меня у привратницы, которая говорила: «Уж лучше бы девочка умерла. Зачем ей при вашей бедности жить в

этом мире, что ей в нем делать?».

В десять лет я уже была взрослой. Я хотела заменить отца своей младшей сестре, понимаете? Отец так и не женился на нашей матери, и мне хотелось поддержать нашу семью, обеспечить ее, дать ей уверенность в завтрашнем дне. И я боролась за это. Пусть дело шло медленно, но я знала, что своего добьюсь. Я уже тогда понимала, что никто мне ничего не принесет на тарелочке, что каждый шаг — самопожертвование, а каждая жертва — новый шаг вперед.

ВОПРОС. О да. То, что вам много пришлось бороться, синьора, ни у кого не вызывает сомнения...

ОТВЕТ. Нужно было как-то жить, устраиваться или умереть с голоду. Я избрала первое. Но даже тогда мне не изменял мой оптимизм. Я видела вокруг экзальтированную публику, людей, которые постоянно твердили о том, что искусство у них в крови, мечтали о блестящем будущем и возлагали все надежды на рекламу, которая, по их мнению, решает все. Эти люди жили, чтобы обманывать себя, и обманывали себя, чтобы жить. Я не принадлежала к их числу. Я всегда прочно стояла на земле и верила, что могу что-то дать людям, правда, мне никогда и не снилось, что я смогу добиться

София Лорен, Инна Чурикова, Невена Коканова. Имена этих популярных киноактрис хорошо известны советским кинозрителям по фильмам, шедшим на наших экранах. Беседы с ними, которые мы публикуем сегодня, посвящены главным образом вопросам: искусство и общество, творчество и личная жизнь. Читатель легко заметит принципиальное отличие ответов Инны Чуриковой и Невены Кокановой, с одной стороны, и Софии Лорен — с другой. Это отличие продиктовано разностью условий существования и творческого труда на Западе и у нас, в мире социализма. Как верно замечает болгарская актриса: «...мы живем в разных мирах... Порой кажется, что она (С. Лорен. — Ред.) родилась раньше меня не на четыре года, а на столетие». Мы узнаем, какой труд, упорство, воля лежат в основе сегодняшней славы Софии Лорен, но мы не можем без чувства горечи читать: «Успеха как такового не существует... Я прекрасно понимаю, что завтра все может кончиться». И мы не можем не сопоставить эти слова знаменитой, но столь не уверенной в своем будущем Софии Лорен со словами Инны Чуриковой, определившей славу как «истинное признание народа. Слава дарует избранному долгую-долгую жизнь». Естественно, что в условиях жестокой конкуренции сам художник, не находя опоры в творчестве, делит свое существование на «работу» и «личную жизнь». Для большого художника, каким является София Лорен, это трагично. Для художника в социалистическом мире не может быть такого разделения. И беседы с Инной Чуриковой и Невеной Кокановой подтверждают это.

София ЛОРЕН:

ЗАВТРА ВСЕ
МОЖЕТ
КОНЧИТЬСЯ

столь многого. В жизни столько проблем, столько камней преткновения и разочарований, подстерегающих тебя на каждом шагу, что либо ты сумеешь создать в душе «предохранительный клапан» оптимизма, либо можешь считать, что твоя песенка спета. Сколько часов я провела в ожидании перед дверями продюсеров! Но никогда не падала духом, никогда не делала из этого трагедии...

Провал на конкурсе красоты? Что ж, терпение. Провал на кинопробах? Опять-таки терпение. В те годы я хотела сниматься в кино, но кинематограф не хотел меня. И я отдала свое лицо для комиксов. Чтобы не умереть с голоду. Им я обязана и тем, что вскоре меня пригласили сниматься для иллюстрированных журналов. Комиксы для меня оказались неплохой школой. Потом пришло время кино. Все эти «Шесть жен Синей бороды», «Да, да, это был он», «Мечты Зорро» — конечно, дешево. Вы спрашиваете, почему я согласилась? А как же иначе? Для меня и это уже было чудом. Да и другого выхода не было. Ну, разумеется, я понимала, что занятие это не на всю жизнь... Вы говорите: а что, если бы так все и осталось, если бы ничего не изменилось? Но я-то изменилась бы. Наступило бы время, когда такая работа меня больше не могла бы удовлетворить. Я сказала бы себе: все, конец. Теперь выходи замуж, обзаводись семьей... И я не считала бы свою жизнь загубленной. Моя личная жизнь была и остается для меня важнее всего.

ВОПРОС. Вы хотите сказать, что девочку из Поццуоли совсем не взволновал, например, Голливуд — столица гигантской, никого не щадящей киноиндустрии? Ре-

жиссер Могоу назвал его «фабрикой обездоленных»...

ОТВЕТ. Я утверждаю, что Голливуд не выбил у меня почвы из-под ног. Артисты — вообще народ легкоранимый, неуверенный в себе. И я такая же. Но я не согласна с Могоу: по-моему, любая среда может «фабриковать обездоленных». Я считаю, что всякая работа несет в себе зародыш стресса, отчуждения личности, невроза. Возьмите рядовую секретаршу, служащую: если они не умеют правильно реагировать на вещи, их ранимость ничем не отличается от ранимости актрисы.

ВОПРОС. Какая же у вас стальная воля, синьора... если это только действительно так...

ОТВЕТ. Именно так. Но не следует чрезмерно умиляться. Это была бы ужасная ошибка. За все, что я имею, я расплачивалась сама. Ничто мне не далось даром, вечно мне приходилось идти на огромные жертвы — и в работе, и в супружеской жизни, и в материнстве. Клянусь вам, что если бы мне предложили сниматься в самом лучшем, самом важном в мире фильме, который, однако, мог бы причинить хоть какой-нибудь вред этой моей личной жизни, я бы ответила: нет уж, спасибо. Потому что кино — это кино, а жизнь — это «моя» жизнь.

Сокращенный перевод из журнала «Зуропо»